

МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

Книги Анастасии Машевской
в серии
МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

**КЛИНОК БОГИНИ, ГОСТЬ И РАБ
КОПЬЕ И КОСТЬ
КОГОТЬ И ЦЕПЬ**

МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

Анастасия МАШЕВСКАЯ

КОГОТЬ И ЦЕПЬ

Роман

Москва, 2017
 АРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
М38

Серия основана в 2004 году
Выпуск 665

Художник
И. Воронин

Машевская А.

М38 Коготь и цепь: Фантастический роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2017. — 345 с.: ил. — (Магия фэнтези).

ISBN 978-5-9922-2550-1

Время давно уже развело пути Гора и Бансабиры, и Гор увидел в этом неизбежный промысел. Но когда на его когтях осела по-настоящему невинная кровь, он бросил времени вызов. Теперь он знает, что порой руку судьбы стоит направлять, а звенья ее цепи — разрывать.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Анастасия Машевская, 2017
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2017

ISBN 978-5-9922-2550-1

Нет религии без противоречий. Ни одна религия не создавалась путем логического мышления одного человека.

Карл Каутский. Происхождение христианства

ГЛАВА 1

Великодержавный Яс, перед которым дрожало Великое море, когда Бану обучалась в Храме Даг, был здесь, в Гавани Теней, обители государей-раманов. Квадратные и продолговатые здания с купольными крышами с виду перекликались с остриженными кустарниками вдоль дорог. Растущие среди невысоких домов стройные мраморные башни из привозного материала казались каменными копиями кипарисов и лавров. Бесчисленные арыки журчали, как ручьи, и в целом город больше всего напоминал сад.

Все обитатели этого сада ошетинились против тех, кто решил посягнуть на его вечнозеленое убранство.

Отряд Бансабиры поднял белое знамя. Но пурпурного тоже не опустил.

Танша вошла в столицу с войском в полторы тысячи мечей — больше ей не потребуется. Остальным, под управлением Гобрива, Бугута и их проверенных сотников, было велено занять заранее оговоренные позиции вокруг города, чтобы в случае необходимости иметь возможность для атаки. Местность была непростой, действовать в ней нелегко. Поэтому Бансабира вручила Улу, который после событий в Зеленом танааре был назначен Бану командиром четвертого подразделения, две карманные сумки с золотом, велел добыть корабли. Кроме того, Ул должен был окольными путями провести к закупленным кораблям часть армии, чтобы блокировать выход к морю и иметь возможность удара из бухты. Юдейр и его разведчики заняли условные пункты — в любой момент отправиться с общением к Сабиру Свирепому.

В числе тех, кто вошел в столицу с Маленькой таншей, был один из аамутских отпрысков, не имеющий права голоса в си-

лу своего двенадцатилетнего возраста, и Ранди Шаут. Под присмотром Такула, помощника Гистаспа, остались их родственники, чтобы избежать какого-нибудь подвоха.

Перед въездом в ворота тану сделала небольшой бивак — чтобы войска отдохнули после перехода, набрались сил, подкрепились. Ближайшее будущее представлялось совершенно непредсказуемым, а ошибки, которую она допустила при входе в Сиреневый танаар, Бану повторить не могла. Поэтому Гистасп с несколькими сотнями остался в лагере поодаль, чтобы встретить на подходах к столице Сабира Свирепого. Мало ли что на уме у тана Яввуза — меньше всего Бану надо, чтобы отец напал на Гавань Теней, пока она будет вести переговоры. Зато если переговоры провалятся — больше всего Бансабира надеялась, что северяне за нее отомстят.

Лигдам по просьбе танши расстарался на славу, облачив ее в кожаные штаны и тунику с головой пурпурного волка над левой грудью; закрепив пурпурный пояс с драгоценной пряжкой, сдержанно украсив госпожу золотыми браслетами и тонким воротником. В роскошные, богато расшитые золотом и рубинами ножны Лигдам поместил длинный клинок с утяжеленной камнями рукоятью. Отросшие волосы женщины ловко заплел в пышную косу набок и, кинув на плечо, закрепил снизу заколкой с большим ромбовидным яхонтом. Добытой у Аамутов сурьмой Бансабира подвела глаза, вспоминая уроки Габи из Багрового храма.

Женщина критически оглядела себя в бронзовом зеркале — и не скажешь, что она третий год мотается по стране с мечом наперевес и нестабильными ночлегами в походном шатре. Когда вышла на улицу и поднялась в седло, Дан Смелый непроизвольно бросил в сторону танши заинтересованный взгляд. В голову закрались крамольные мысли, но молодой мужчина мгновенно их отогнал: приударять за командованием не в его привычках.

Весь город смотрел на них волком. Наемники, нанятые Тавхивом для охраны столицы, стояли караулом, держа ладони на рукоятях. Знают кто, знают зачем, думала Бану. Знают, что отбиваться придется насмерть.

На подступах ко дворцу раманов Бансабиру в полной боевой готовности остановила стража: внутрь больше сотни не пройдет. Тану пожалала плечами — делать нечего. Наскоро при-

кинув в уме ситуацию, назначила Дана руководить теми, кто остается, а Серта взяла с собой. Дан, конечно, намного импульсивнее, и в случае неудачи ему вряд ли хватит ума принять взвешенное решение. Но, по крайней мере, он наверняка сможет вырваться из окружения городских стен. Серт справился бы не хуже, но его определенная рассудительность и легкость в общении придется к месту на переговорах — этот, во всяком случае, не вспылит и не сболтнет что попало.

Услышав, что его сотня остается снаружи, Серт посмотрел на таншу с немим недоумением. Бансабира не стала отвечать. По факту Серт подчинился напрямую танше, но в ее отсутствие, как обычный сотник, должен был выполнять указания замкомандира. Хотя Дан и Серт имели относительно спокойные отношения здорового соперничества, ставить их в один отряд Бану не рисковала — каждый потянет одеяло на себя, и, поскольку методы действия у них разные, а хватка зверская у обоих, от одеяла останутся клочья.

В оконцовке Бансабира взяла личную охрану и лучших бойцов из «меднотелых», которые были в отряде. Однако и этого оказалось недостаточно. О Бану Кошмарной наслышана вся страна, а дураков тут нет — гостя должна сдать оружие.

Бансабира лениво поглядела в сторону от охраны:

— Ну, раз я действительно пришла как гость, в этом требовании есть смысл.

С беспримерной ловкостью Бансабира выхватила меч из ножен, провернула и перехватила рукоять так, чтобы безопасно подать оружие стражникам. Но когда начальник охраны протянул руку, Бану придержала клинок. Обвела всех снисходительным взглядом:

— Этот меч стоит как вся ваша амуниция. Я заберу на выходе.

— Если найдешь выход, — нахально отозвался страж.

— Пройду сквозь стены. — В уголках женских губ мелькнула ухмылка.

— А ножны? — спросил страж, когда женщина сделала шаг за ворота дворца.

— Мне не мешают, — снисходительно ответила Бану. — Брсь, мы идем поговорить.

По эту сторону дворцовых ворот впечатление от окружающего вида усилилось стократ. И город, и особенно дворцовый комплекс были совершенно не похожи на тяжелые постройки центральных, и уж тем более северных, земель страны. Самые

яркие напоминания о давно почившей и обросшей легендами Ласбарнской империи хранились здесь, в Гавани Теней, портовом городе торгашей, актеров, политиков и жрецов.

В то же время занявший позицию над городом Гистасп, приветствуя спешившегося Сабира, прижал к сердцу правый кулак и склонил голову.

— Господин!

— Будь здоров, Гистасп! Будь здоров! — Сабир широким шагом подошел к командующему, грубо потрепал по плечу. Почти следом, здороваясь, спешился чернобровый Русса.

— Благослови Иллана и Акаб! — Гистасп поклонился в ответ.

— Ну, выкладывай, — потребовал Сабир.

Гистасп коротко обрисовал ситуацию.

— Вот как, — отозвался Сабир, оглядывая Гавань Теней с того же плато, где не так давно с этим же альбиносом беседовала дочь. — Стало быть, лучше пока подождать.

Русса с этим согласен не был — не лучше ли оставить отряд Гистаспа на месте, а свои войска подвести ближе к столице? Пусть Тахивран понервничает лишний раз, пусть знает, чем грозит Гавани Теней малейший вред, нанесенный тану Яввуз.

— Бред, — махнул рукой Сабир. — Лучше поохотимся.

Как бы Гистасп ни верил в Бану, сейчас он был склонен согласиться с Руссой: пожалуй, именно он лучше всех знал подноготную событий в Сиреновом танааре. И если там войска, подошедшие к ставке тана, были залогом провала, то сейчас только союзная армия у стен города могла спасти Мать лагерей от опасности.

— Ну что вы раскудахтались, как куры? — недовольно прикрикнул Сабир. — Русса, иди, скажи Видарне, пока не вернемся, пусть следит за порядком. И собери с десятков своих людей.

Скрепя сердце Русса кивнул и поспешил с поручением. Сабир, немного скривив губы в сторону, проводил сына глазами.

— Тан, может, следует послать в столицу для поддержки хотя бы тайный отряд. Опытных разведчиков, способных действовать скрытно, или ещ...

— Гистасп, — беззлобно, но твердо перебил Сабир, наблюдая за лицом подчиненного. Сколь ни прячь, понял тан, а альбинос волнуется. — После того как мы с молодым Дайхаттом достигли соглашения, хотя и перебив перед тем кучу родичей друг друга, я на весь Яс заявил о том, что выхожу из войны. Ба-

ну такого слова не давала, она может делать что хочет. Но я от сказанного не откажусь.

Альбинос мысленно вздохнул: ох уж эта Яввузова упертость.

— Я понимаю, что здесь затронута ваша честь, господин, но ведь там ваша дочь.

— Именно, — сказал Сабир так, что Гистасп примолк. — Там моя дочь, — поглядел как-то особенно, так, что Гистасп сразу все понял и, кивнув, коротко улыбнулся в ответ.

На охоту в ближайшей кудрявой роще, полной диких свиней и дичи, выехало двенадцать человек. Взяли и волкодавов, глядя на которых Гистасп ностальгически хмыкнул: давно в армии танши не было этих чудесных и свирепых бойцов. Сабир пребывал в крайне хорошем расположении духа и очень скоро велел разбиться на пары: первые вернувшиеся в лагерь с ведром получают мешок серебра на двоих, размером с кабанью голову. Тан же, отказавшись от состязания, выбрал в напарники Гистаспа, сказав, что командующий сам в свое время заявил, что ему от тана ничего не надо. Собак Сабир брать не стал, распределив псов между пятью парами соревнующихся: они с Гистаспом и сами управятся, им не к лицу гоняться за столь преходящим трофеем, так что их ничто не торопит. Гистасп весело вскинул брови, кивнул и прищипорил коня.

В конце тронного зала на мягких креслах, обложенных подушками в желто-красных тонах, сидела государыня — гордая собой, холодная, с сединами в черных волосах, убранных мельхиоровым венцом с сапфирами. В коричневом платье, с чересчур длинными серьгами до плеч, с очень узкими кистями, из которых росли длинные тонкие пальцы в многочисленных кольцах, она казалась ухоженной, ладной, но ни один человек даже в лучшие годы раману Тахивран не назвал бы ее красавицей. Владычица встретила Бансабиру ледяным и полным презрения взглядом — именно он обычно заставлял людей смотреть в пол.

Бану шла под настороженным наблюдением стражи. Вслед за ней охранники у двери пропустили только десять человек. Перед тронном «высшей госпожи» выстроилось несколько воинов, но стоило Бану остановиться напротив, раману велела расступиться. Танша изменилась в лице, усмехаясь: значит, раману делает вид, что нисколько не нервничает?

— Маленькая танша, — медленно протянула раману не улыбаясь.

— Бансабира Изящная, — поправила северянка, не колеблясь. — И может, вам плохо видно с трона, но я все-таки среднего роста. Или даже выше среднего, — вдумчиво потерла подбородок тану.

— Как ты разговариваешь со Светлейшей! — Один из стражников рванулся в сторону Бану, но государыня остановила его жестом. Стиснула зубы: молва не лгала — Маленькая танша та еще нахалка.

— А где же государь Яса? — ни на секунду не дрогнув, осведомилась тану, шаря глазами по помещению. Стало быть, эти солдаты верны только ей, Тахивран. — Неужели развал страны его нисколько не занимает?

— Раман Кхазар Четвертый занят по-настоящему важными делами, а с выскочкой, которая трех лет не живет в Ясе и мнит о себе невесть что, по силам разобраться и мне.

— Иными словами, раман просто не знает, что вы учинили? Ведь сведениями личной разведки вы наверняка не делились с мужем. Не удивлюсь, если его всеизвестное увлечение духовным постижением тайн жречества тоже ваша заслуга.

Нахальная и сообразительная, мерзавка.

— Я считаю, что подобные разговоры нам стоит вести наедине, как женщинам, — высказалась раману.

Бансабира, не сдерживаясь, расхохоталась.

— Мне кажется, вы несколько превратно понимаете слово «наедине», — уточнила сквозь слезы смеха.

— Это ты неверно понимаешь слово «женщина». — Раману почувствовала, что чаша ее терпения противно звякнула, словно от удара о другую такую же чашу. — Если бы ты поменьше махала мечом, до этого, — раману обвела взглядом тронный зал, полный телохранителей, — не дошло бы.

— До этого не дошло бы, если бы вы отчетливо представляли себе, что должны делать.

— Явно не тебе учить меня, что должна делать раману и как хранить величие династии Теней.

— Не тот достигает величия, кто встает на цыпочки, надеясь достать до звезд, или раз за разом, как собака, прыгает вверх, пытаясь поймать в прыжке кость в руке хозяина, а тот, кто неуклонно выполняет свой долг.

— Что может знать о долге раману самонадеянная соплячка вроде тебя? Не думай, что управлять страной — то же самое,

что командовать ордой неотесанной солдатни, которым вся потеха — есть, спать и иметь девок!

Бансабира глубоко и тихо вдохнула, справляясь с негодованием:

— Коль уж мы говорим «наедине», не смейте оскорблять моих людей. Кстати сказать, и вашим солдатам, да и вообще всем людям, хочется в первую очередь есть, спать и иметь девок.

Тахивран наигранно засмеялась:

— А-ха-ха-ха! Не знаю, не знаю. Мне вот иметь девок совсем не хочется!

Бану пожалала плечами, заявив таким тоном, будто имела в подобном колоссальный опыт:

— У вас просто не было случая попробовать. Сплошные дела, долг, величие... — В сочувствии танши слышалась неприкрытая ирония. — Какие уж тут удовольствия. Если интересно, ничем не хуже, чем с женщиной, хотя иногда прямо не хватает их грубости. Когда в грабеже собственной страны у вас выделится свободная минутка, попробуйте, — почти по-дружески посоветовала Бану. Мужчины в зале стояли, окаменев, кто с какими лицами: одни выкатили на таншу глаза, не веря ушам, другие — например, Серт и Ниим — едва сдерживали смех, третьи просто замерли, не зная, что будет дальше.

По лицу Тахивран прошел спазм. Кровь прилила к щекам, на лбу вздулась венка, сколь бы женщина ни пыталась сдерживать себя.

— Ты себе что позволяешь? — спросила раману до жути медленно и тихо.

— Ой, прошу, оставьте эти балаганные позы, — бросила Бану совершенно небрежно.

У Тахивран затряслась челюсть, но раману удалось достаточно взять себя в руки, чтобы выплюнуть:

— Ты дрянь.

— Вообще, — Бансабира прошлась из стороны в сторону, разминая пальцы, — я заметила, что в Ясе все любят пышные сборища. Особенно на переговорах. Мой дед тоже в свое время собрал какую-то прорву родственников на обсуждение дел, видимо, чтобы никто не забыл со мной познакомиться. Кстати о родственниках, — остановилась прямо напротив раману, уставилась глаза в глаза. — Хотите, я представлю вам ваших? Они ждут за воротами. — Бану говорила без тени усмешки, пристально следя за лицом женщины. И, не дождавшись ответа,

осведомилась: — Полагаю, вы слышали о последних событиях в Зеленом танааре?

Это стало последней каплей.

— Да как у тебя хватило духу?! — Тонкие губы в напряжении искривились. — Они же дети! И моя племянница...

— Что? — Лицо Бану наконец преобразилось, выражая теперь интерес к происходящему. — Неужели вы любите свою родню?

Не в любви дело — Бансабира знала из добытых за годы войны писем раману и ее отца, из донесений разведки, из сообщений шпионов. Дело в том, что тан Аамут очень быстро определил будущее старшей дочери и с малых лет сумел ей внушить, что трон под бедрами дан ей не Праматерью, а им, ее родителем, и для заботы не о стране, а о своих кровных родственниках.

— Она же просто маленькая девочка, бессовестная ты мразь!

Не такая уж маленькая, подумала Бану, вспоминая, на что она сама была способна в тринадцать-то лет.

— Не вам говорить мне о совести, — ледяным тоном припечатала танша.

— Ну да, не мне, — со злобой бросила раману. — Что сделала бы на моем месте ты, вечно правильная Бану Кошмарная, если бы Шаут развернул свои бесчисленные орды в сторону твоего дома?!

У Бану щелкнуло в голове. Она облизнула губы и сделала шаг навстречу раману, поднимая голову и игнорируя подавшихся в ее сторону стражников. Охранники самой танши тоже напряглись сильнее прежнего.

— Шаут со своими ордами, — подчеркнула каждое слово, — держал меня в осаде двадцать недель. Меня и еще четыре тысячи бойцов. И даже когда было ясно, чем все закончится, — Бансабира сделала еще шаг, — ни один из них не отступил! Не предал меня, не сбежал и не подставил стоящего рядом! Ни один член ни одной танской семьи, — заголосила Бану так, что звук стал эхом отражаться от стен, — никогда не позволил бы себе из трусости продавать тех, кого обязан был защищать!

Вцепившись в подлокотники, раману вскочила с трона, яростно отвечая.

— Все верно, Маленькая танша, — презрительно бросила государыня. — Член танской семьи не позволил бы, но я не принадлежу к сословию защитников! Я — раману великодер-

жавного Яса, Светлейшая, — вздернула она голову, и без того возвышаясь над Бансабирой во всю высоту лестничного подъема к трону, — Тень Богов, и мои решения не могут быть продиктованы какой-то там танской прихотью! Развалить танаар можно, и даже все двенадцать — тоже! Но позволить одному из тех, кто, как ты говоришь, обязан защищать Яс, разрушить столицу — значит уничтожить само государство! И не говори мне, малолетка, что поступила бы иначе в подобной ситуации, имея власть над двенадцатью танами!

От такого заявления Бансабиру затрясло.

— У вас нет ника...

— Стража!

— ...кой власти над танами! И знаете почему? — наконец взяв себя в руки, ехидно бросила тану. Бансабиру окружили, но пока не трогали. Тахивран молчала и не двигалась. Бансабира демонстративно медленно вытащила нож, закрепленный у запястья, и бросила на пол. Следом бросила еще один, начала восхождение по ступенькам, последовательно избавляясь от оружия. — Может, ваш муж, Кхазар Четвертый Ясдур, и принадлежит к династии, которая имеет какое-то отношение к жречеству — недаром ведь он столько лет пытается постичь мудрость Праматери, — но вы по рождению то же, что и я — танин А-а-мут.

Бансабира поднялась почти доверху. Ее аура вынуждала Тахивран пятиться, но за спиной государыни находился недвижимый трон, так что обратной стороной бедер она даже через ткань платья чувствовала ледящую поверхность мрамора.

— Вы не имеете власти над танами, в том числе и над мной, потому что по происхождению мы равны, а по выслуге — давайте признаемся — я превосхожу вас на голову. — Бану окончательно сравнялась с Тахивран на помосте и теперь и впрямь возвышалась над ней на полголовы.

Собрав все мужество, Тахивран не дрогнула под натиском, не позволяя солдатам вмешиваться. Посмотрела Бансабире прямо в глаза, вздернув подбородок.

— Длинная, ширококостная, бледная, — надменно кивнула Тахивран в сторону Бану, намекая на светлые волосы и белую кожу, — и годишься только на то, чтобы махать мечом. Не равняй меня с собой, выскочка! Чем ты будешь без своих командиров, генералов, телохранителей, без армии? А? — высокомерно спросила Светлейшая. — Обычной девчонкой, которая овдовела до того, как узнала семью мужа? А я — Тень Илланы,

Мать этих земель, и не тебе указывать мне, какие решения правильны, как нести жреческий долг и как понимать богов.

Краски с лица Бану отхлынули. Отступили гнев, ярость, роковое изумление, сопровождавшее мысли о раману в последние годы, и даже ненависть, поселившаяся в сердце с тринадцати лет. Вот, значит, как. Настолько незамысловато, несложно, примитивно... Все прежние противники казались Бану достойными ее усилий: кто-то был умен и терпелив, как змей; кто-то лукав и хитер, как лис; кто-то настойчив и силен, как бык. А раману Тахивран оказалась просто гордячкой, самонадеянной до того, что даже Гор, который во все времена раздражал Бану самомнением, самолюбием и безразмерно раздутым тщеславием, присвистнул бы с завистью.

— Посеяв вражду между двумя домами, вы не попытались ее унять — напротив, вы изыскали тысячу способов напомнить остальным «защитникам» старые счеты. Стравив танов, вы лишили Яс главной опоры в лице опытного командования и огромной части армии. Что будет, если завтра на нас нападет внешний враг? Вы думали об этом, отстаивая собственную важность в глазах придворных и семьи?

— Если бы ты не появилась, война закончилась бы два года назад победой трех танских домов. Но когда из-за тебя Сабир с новой прытью ввязался в бойню, когда ты взбаламутила один из наиболее важных союзов, все закрутилось с новой силой. И вместо того чтобы дать всем танам расползтись зализывать раны, ты устроила какие-то одной тебе понятные игрища! Носилась по стране с ордой конных головорезов, а теперь твердишь, что я повинна в происходящем?

Бансабира не слушала женщину.

— Ответьте на мой вопрос, — попросила танша. — Что будет, если на нас нападут Бледные острова? Или Мирасийская империя? Или страны востока?

— А разве не очевидно? — Тахивран огрызнулась, почти рывкнув. — Яс — единственная страна, занимающая целый континент. Даже сейчас наша армия превосходит любой восточный альянс.

Бансабира не верила глазам и ушам. Бесконтрольно сжала кулаки.

— Ваша армия лишилась лучших бойцов и генералов. Ванбир Яввуз и оба его сына, все ахтанаты дома Наадал, бывший глава Черного дома Дайхатт, в прошлом гроза всех южных земель, сыновья Ранди Шаута и его дочь, Сцира Алая...

— Эта сучка только и умела, что пользоваться мужиками через постель!

— Сцира Алая была хорошим командующим, — бескомпромиссно пригвоздила Бану. — Она не годилась в генералы, это правда, но тысячница из нее вышла бы превосходная.

Замолчав, Бансабира оглядела лицо раману, пристально всматриваясь в высокомерное выражение глаз. Чувство разочарования, которое испытываешь, когда твои надежды не оправдывает близкий друг или товарищ, ничуть не больше того, какое наступает, если их не оправдывает враг.

— Вы совсем не знаете, что такое война, — с упавшим сердцем резюмировала танша. — Вы ни разу в жизни не видели того, что остается на поле после сражения. Вы никогда не хватались ночами за виски от того, что в ушах стоит гомон и стон тех, кому уже не помочь, кто погиб по вашей вине. Вы говорите о долге Теней Богов, об обете хранить столицу, но правда в том, что вы ничего не смыслите в жречестве, и о самих богах вам известно столь же мало, как и о войне.

— Не тебе, чьи руки по плечи в крови, говорить мне о богах, — прошипела раману. От слов Бану дыхание женщины сбилось — контролировать себя рядом с той, кто одной своей славой внушала страх, становилось невыносимо.

Бану не собиралась отступать — она слишком хорошо помнила тот прекрасный закат — самый прекрасный из всех, — когда, путешествуя с Гором, встретила Таланара Тайи. Уникальное ощущение, которое Бану испытала тогда, и сегодня не спутала бы ни с каким. Поэтому сейчас Бансабира наверняка знала, о чем говорит.

Отступив на шаг назад, Бану заговорила тем тоном, к которому больше всего привыкли ее сопровождающие, — легким, немного снисходительным, чуточку ехидным, но по существу мало что выражающим.

— Лучше иметь грязные руки, чем душу, — сказала и, развернувшись, зашагала вниз по лестнице в той же расслабленно-небрежной манере.

— Не смей поворачиваться ко мне спиной, — предупредила Тахивран. Ее стражники стояли совсем близко к Бану, словно заужая для танши проход и отделяя ее от собственной охраны.

— Выяснение отношений ничего нам не даст, — деловито проговорила Мать лагерей. — Уверена, вы понимаете, почему я взяла в плен только ваших племянников и племянниц? Их ма-

тери в том возрасте, когда следующие роды могут стать роковыми и для новорожденных, и для них самих. Их отцы связаны священным браком по рукам и ногам, и вы, как, — Бану облизнулась, сделав многозначительную паузу, — Тень Илланы, на которую возложена верховная жреческая обязанность этой страны, лучше других знаете, что ваши братья больше никогда не женятся. Даже если овдовеют — ведь, по существу, танин моего поколения почти не осталось. Да и те, что живы, никогда не станут заключать браки с домом, который повинен в том, что их семьи лишились сыновей и дочерей. При таких обстоятельствах ваш единственный шанс удержать Зеленый танаар в руках своей родни — договориться со мной. Поэтому предлагаю отослать мужчин и поговорить все же наедине.

Тахивран стояла без движения. Еще немного, подумала раману. Еще немного, и она покажет зарвавшейся девчонке, как ничтожны и тщетны все ее происки. Главное, не поддаваться эмоциям.

Повелительным движением руки Тахивран велела стражникам расступиться. Преисполненная гордости, она спустилась по лестнице, наказав собравшимся мужчинам проводить их с Маленькой таншей в кабинет раману и охранять с обратной стороны двери. Бансабира внутренне напряглась — что это раману удумала? — но виду не подала.

Они двигались по широким коридорам с высокими потолками, покрашенными золотистыми, серебристыми и голубыми красками. Стены изображали морских чудищ в окружении могучих волн и густой пены грозного Великого моря, выложенных из смальты. С древними хозяевами морей то сражались, то беседовали рослые мужчины и женщины в длинных голубых одеяниях, с трезубцами в руках.

«Волна и смерть» — гласил девиз дома Яасдур, и сейчас, искося глядя на изображения, Бану впервые задумалась над тем, что, возможно, именно на этом и выросла когда-то власть раманов — на умении якобы договариваться с хозяевами вод, спрашивать у них благословения для мореплавателей. И возможно, когда-то и впрямь Яасдуры имели какое-то отношение к ангоратскому жречеству — тому, что давным-давно запало в душу Бану приятным тянущим чувством цельности и запахом смолы и трав.

Бансабира, полагаясь на рассказы Серта о временах, когда она была еще маленькой, верила, что и по сей день тех, кто служит в столичных храмах Двуетности — Матери Илланы и

Владыки вод Акаба, — готовили ангоратские наставники. И знала наверняка: раману Тахивран не имеет отношения ни к Ангорату, ни к Ясдурам.

Кабинет раману больше напоминал спальню. Во всю длину одной из стен стоял невысокий, но огромный диван, обитый дорогой белой тканью с черными, зелеными и серебристо-золотистыми мелкими узорами-штрихами. Множество тонких подушек — насыщенно-черных, персиковых, глубоко кровавых и коричневых — было разбросано по всей длине этого сооружения, которое помимо основной части имело еще два своеобразных «крыла». Каждое из них заменяло отсутствующие валики, будто продолжая диван под прямым углом вдоль южной и северной стен комнаты.

Диван возвышался над уровнем остальной комнаты из-за того, что стоял на помосте футовой вышины. Кроме того, он и все пространство внутри этой П-образной конструкции было отделено занавесью из легкой просвечивающей ткани синего оттенка.

Перед по-настоящему царским восседалищем возвышались круглые столы из черного дерева с драгоценной инкрустацией по боковому срезу столешниц. Бану мысленно прицкнула от одного взгляда на них — ей ли не знать, каких баснословных денег стоит это дерево, которое с самых южных провинций Ласбарна доставляли сначала в Орс, а оттуда, с еще более завышенной ценой — в Яс.

Бансабира едва не вздрогнула, но в последний миг смогла ограничиться придыханием — захлопнувшаяся дверь неожиданно вывела из раздумий. Тахивран велела страже не беспокоить их ни при каких обстоятельствах.

— Никогда бы не подумала, что малолетка вроде тебя сможет добраться до Гавани Теней, — произнесла Тахивран, мгновенно переменившись. Теперь, без свидетелей, ей не было смысла сдерживать чувства.

Вот как, удивилась Бану, хмыкнув.

— Да вы, похоже, вообще не обременяли себя домыслами.

— Перво-наперво позволь выразить тебе соболезнования.

Бану мгновенно напряглась, пристально разглядывая манипуляции раману у бюро напротив половины комнаты с диваном. Достав что-то, Тахивран жестом предложила Бану сесть на мягкие подушки и лично подала пример. Бансабира осталась стоять.

— Возраст позволяет мне держаться на ногах дольше, — не думая, отозвалась танша чересчур вдумчиво для такой нелепой фразы. — Какие еще соболезнования?

— Ну как же, ваш супруг совсем недавно погиб.

— Да по вашей вине в Ясе у каждого танского дома бесчисленные потери в мужьях, женах, родителях и детях. Не лицемерьте.

— А ты не зарывайся, Маленькая танша, — осадила ее Тахивран. Здесь, запертая четырьмя стенами, Светлейшая стала куда увереннее.

— Мне кажется, я достаточно ясно обрисовала вам ситуацию...

— А твой сын? — спросила раману в лоб. Бансабира нахмурилась. — Пурпурным танааром должен владеть он после тебя, не так ли?

— К чему вы ведете?

— Я уже привела. — Тахивран откинулась на мягкую спинку. — Ты угрожаешь наследникам моей семьи, и я делаю то же.

— Разница в том, что ваши родственники у меня под рукой, они погибнут, стоит мне задержаться в вашем дворце на пару часов дольше обещанного. А вам Гайера не достать.

Любила она этого ребенка так, как должна любить мать, или нет — не имело значения. Ради его появления на свет Бансабира поступилась всеми желаниями, надеждами и частично планами. Ради его появления на свет она сносила близость с мужчиной, которого и назвать таковым никогда не могла. И сейчас, когда он мертв, Гайер остался единственным звеном, соединяющим дома Яввуз и Каамал.

— Гайера вам не достать, — непререкаемо пригвоздила Бану, прямо встретив взгляд черных глаз.

Вопрос Тахивран заставил таншу вздрогнуть:

— Разве?

Догадки, одна страшнее другой, пронеслись в голове Бану подобно стае саранчи, оставляя за собой лишь опустошение и растерянность. Кто? Как? Когда? Ну ведь не отец? Хотя бы не отец, верно? И не Русса? Праматерь, кто угодно, только бы не ее кровный родственник! И не командир, и не офицер... Кто угодно, но не свои...

— На, прочти, — ласково предложила Тахивран, протягивая бумагу, которую прежде достала из бюро. — Ты говорила, что никто из сподвижников тебя не предавал, но, кажется, совсем забыла, как велик ваш северный лагерь.

С трудом унимая дрожь в руке, Бану взяла свернутый лист, раскрыла, бегло пробежав глазами.

— Поскольку он не входил в число действующих генералов, в нужный момент ахтанат не стал ввязываться в боины, а предпочел на правах единственного ближайшего родственника подходящего возраста гостить в семейном чертоге Яввузов. Ты правда думала, что Этер Каамал поехал нянчить твоего ребенка из родственных чувств?

И эта часть загадки тоже сошлась, мгновенно поняла Бансабира. Схватила суть мгновенно и интуитивно, чутьем, задолго до того, как сознание сложило все в одну цепочку. Скорее всего, даже Нер покинул позиции в свое время, уступив натиску Раггаров, по указке старшего брата, перед которым всегда благоговел. В том, что Этер мог добыть сведения о ситуации, Бану не сомневалась.

— Когда Яввузы, Каамалы и Маатхасы внезапно отошли от боевых действий через полтора года после их начала, я поняла, что единственный способ контролировать ход войны — нейтрализовать непредсказуемых северян. Твой отец имел все, чтобы нельзя было соблазнить его выгодами, и был слишком горд собой, чтобы с ним можно было договориться. Предыдущий тан Маатхас был похож на нынешнего и без конца бубнил про честь и достоинство. Зато Каамалы имели большие амбиции и давние счеты к Яввузам. Заносчивый Пурпурный дом перестал заключать браки с Серебряным с тех самых пор, как север Яса присягнул Гавани Теней почти двести лет назад. Вот что написал мне Яфур в ответ на мое предложение. Но, к сожалению, даже Каамалы оказались закостенелыми приверженцами старых порядков.

— А поскольку золота у них и без вас хватало, купить их у вас не получалось, — продолжила Бансабира, наконец улавливая ход мыслей раману. — Но вы же не могли знать, что я вернусь? Или вы как-то узнали и смогли уговорить моего отца выдать меня за Каамала? Так, что ли? — Бансабира всплеснула руками. — Да я в жизни не поверю, что вы имеете контакты с Храмом Даг или знаете Гора!

Тут Бану не соврала: даже вообразить, что в таком ключе ее предал именно Гор, было невозможно, хотя бы потому что наставник считал ее, Бану, личной собственностью и явно не стал бы участвовать в планировании ее замужества. Праматерь, что за абсурд творится у нее в голове?!

— Кто такой Гор? — вполне искренне спросила Тахивран. Бану мысленно вздохнула.

Раману махнула рукой.

— Да я знать не знала о твоём существовании, Бану Кошмарная. Получив отказ Яфура Каамала, я почти шесть лет потом вздрагивала при одном упоминании о севере. Но тут появилась ты, и все стало ясно. Каамалы никогда особенно не рвались заключать браки с домом Маатхас, хотя, конечно, устраивали для поддержания отношений. Просто потому что Маатхасы находились в том же положении, что сами Каамалы. Таны Яввуз издавна считались верховными владыками севера. Вы никогда не выпячивали грудь колесом, если исторические хроники в библиотеках столицы не врут, и старались не ссориться с соседями. Но ваши бесчисленные орды делали вас негласным лидером среди снежных кланов. Вот почему Каамал так жаждал брака именно с твоей семьей.

— Я это все и без вас знаю, — хмуро отозвалась Бансабира. — Странно, что вам потребовалось шесть лет, чтобы это понять.

Раману поморщилась, запрещая себе реагировать на колкость, и продолжила:

— После того как Сабир Свирепый вновь обрел дочь, стоило ожидать, что Яфур Каамал зашлет сватов. И судя по всему, он и заслал. Просто твой отец довольно долго строил из себя невесть что, давая мне возможность действовать. Если Каамалы так хотели брака с силой и властью, я, раману Тахивран, могла предложить им гораздо больше, чем тан каких-то невероятно далеких и богами забытых земель. Но Каамал Лыстивый Язык и тогда не сдался, будь он проклят! Написал мне: «Я подумаю», — и как одержимый твердил о браке наследника с тобой, надеясь объединить земли. И когда наконец мне почти удалось уговорить Яфура перейти на мою сторону, твой отец — поглотил его Акаб! — объявил о свадьбе.

— Не смейте желать зла моему отцу, — прошипела Бану, трясясь от злости.

— Да только из безвыходной ситуации меня спасла твоя глупость. Ахтанат Каамал написал, что ты настояла на браке с его младшим братом. Значит, сам Этер оставался свободен, и, значит, действовать стоило через него, а не через несговорчивого Яфура. Не знаю почему, Этер не страдает одержимостью отца объединиться с вашим домом. По крайней мере, мирным путем. Когда он выпустил пар в отместку за брата и вернулся

стеречь твоего сына, я сделала предложение, от которого нельзя отказаться.

Насладившись эффектом, который производила на Бану мучительно долгая пауза, Тахивран пояснила:

— Если он убьет Гайера, я позволю ему войти в семью Яасдур на правах зятя.

— Гайер его племянник, тоже ахтанат дома Каамал, — сдержанно заметила Бану.

— Мне показалось, Этер не совсем в этом уверен. Так что сейчас все твои труды поставлены под удар одного моего слова. — Тахивран расплылась в ухмылке.

— Так отчего не скажете его? — с вызовом спросила Бану. Даже если такое случится, она найдет выход. Она всегда находила или выход, или тех, кто за нее открывал нужную дверь.

— Потому что среди твоих пленников четверо ахтанатов дома Аамут.

— И что вам мешало поставить мне ультиматум раньше? Что мешало прислать мне требование оставить в покое ваш дом в обмен на жизнь моего сына? — дерзко спросила Мать лагерей. Тахивран молчала, и Бану сама высказала единственную возможную причину: — Неужели согласие Этера Каамала устранить возможного претендента на танское кресло пришло совсем недавно? — Проследив за лицом раману, танша продолжила: — Вы ведь довольно долго пытались сообразить, как быть, верно? К тому же, полагаю, решались на это предложение еще дольше. Как же так, отдать дочь династии Яасдур, девицу из рода Теней Богов, за ахтаната «каких-то там богами забытых земель»? — Бансабира начала открыто издеваться. — А-ха-ха-ха-ха! Сколько же в вас тщеславия и страха! Ведь мало того, что вам претит сама мысль выдать дочь замуж за мужчину ниже нее сословием, вы трясетесь, как бы Этер, который так легко согласился на предательство кровной родни, не отрубил вашей славной дочурке голову за какую-нибудь оплошность, заносчивость вроде вашей или просто по пьяни!

Бану не умолкала, чем невыразимо бесила Тахивран. У последней застучало в висках от ехидного голоса, от злобной правды, которую этот голос проговаривал с таким пренебрежением.

— Вас можно понять — ведь, в отличие, например, от меня, случись что с вашим ребенком, вы уже не сможете родить другого. Раману, — брезгливо протянула Мать лагерей, — у вас нет опыта в войне, и вы просто не умеете принимать решения быст-

ро, мгновенно взвешивая все плюсы и минусы обстоятельств, не колеблясь. Будь вы немного расторопнее, победа осталась бы за вами.

— Она и так за мной. Не думай, что можешь мне угрожать! Если со мной что-то случится, Этер незамедлительно убьет твоего отпрыска и приедет в столицу, чтобы жениться и убедить весь Яс огнем и мечом уgomонить Яввузов. На это он тоже согласился, как и моя дочь.

Бансабира вразвалку приблизилась к государыне и уселась перед ней прямо на стол, закинув ногу на ногу.

— Я провела среди вояк достаточно много времени, чтобы понять, что не все можно решить убийством. Хотя, конечно, честности ради, большинство проблем можно устранить этим способом, но, — Бану развела руками, — не все. Итак, вы хотите, чтобы я отдала вам ваших племянников в обмен на жизнь моего сына. Но один к четырем — неравный обмен, вам не кажется? Двоих я оставлю у себя.

— Нет.

— Да. Мальчика и девочку.

— Я сказала — нет!

— Вы тут много чего сказали, но мало что из этого имело смысл, — деловым тоном заметила танша. — Не беспокойтесь, ваши родственники не будут ни в чем нуждаться. Кроме, быть может, материнской заботы и любви, — хихикнула Бану.

— Тебе кажется это смешным?

— Не нужно меня перебивать, раману. Выбирать, конечно, вам: или погибнут пятеро детей и вы поступите своей заскоружлой гордостью, простившись с дочерью, — или она останется у вас под рукой и никто не умрет. В конце концов, если Этер убьет моего сына от Нера — что помешает мне выйти за самого Этера и родить еще одного наследника? — Бансабира хмыкнула. — А вот вам такое уже не грозит.

Тахивран сидела молча, отведя глаза от Бану. Смотреть на эту бестию было невыносимо. Когда прошло уже больше минуты, Бансабира недовольно хмыкнула — раману действительно до жути медленно оценивает ситуацию. Бану начала легонько раскачиваться, придерживаясь за край столешницы руками, намеренно выдавая нетерпение.

— Я согласна, — тихо, сжав зубы, процедила Тахивран, намереваясь встать.

— Ну наконец-то. Теперь о том, как вы будете рассчитываться со мной.

— Что?! — Раману вскочила, глядя на Бану сверху вниз.

— Не кипятитесь, — посоветовала танша. — В вашем возрасте волнение не идет на пользу.

— Да как ты...

— Мое молчание имеет цену, раману Тахивран. — Бану принялась пристально изучать собственные ногти. Да, когда вернется домой, о руках придется позаботиться особенно сильно: за время похода они приобрели какой-то совсем уж жалкий вид.

— Какое еще молчание?!

— Вашу роль в Бойне Двенадцати Красок воистину нельзя переоценить. Думаю, все таны, кроме вашего отца, согласятся со мной. Интересно, как долго после этого династия вообще удержится на троне?

— Ты не сможешь их убедить, у тебя нет...

— Да в одном вашем бюро у той стены, — движением головы указала танша, — полно доказательств! И даже без оружия мне не составит труда их забрать!

— Этер Каамал...

— Ничего мне не сделает, — поднялась Бану, вынуждая Тахивран отступить на полшага, — потому что, в конечном счете, и его брат Нер пал жертвой ваших поступков! Поверьте, я позабочусь о том, чтобы новости о ваших происках дошли до моего деверя быстрее, чем известие о смерти Светлейшей Яса! В этой стране нет ни одного человека, который бы не возненавидел вас всем сердцем, стоит ему узнать правду. Каждая женщина захочет лично выцарапать вам глаза, а каждый мужчина — на этих самых глазах — растлить вашу бесценную дочь!

— Закрой рот! — закричала Тахивран: земля уходила из-под ног, когда воображение услужливо нарисовало в голове картины насилия. — Замолчи! Замолчи!!!

— Если вы хотите, чтобы я закрыла рот, вам придется заплатить за молчание золотом. Как полагается.

— Сколько ты хочешь?! — Тахивран вскинула голову, уставившись на Бану обезумевшими глазами с покрасневшими от напряжения сосудами. — СКОЛЬКО?!

Бану облизнулась, предвкушая:

— Столько, сколько нужно, чтобы вам было нечем заплатить наемникам в столице.

Глаза раману округлились до формы тех жестянок, которые сыграли ключевую роль в событиях последних десяти лет.

— Ты с ума сошла?! — в отчаянии выкрикнула женщина.

Бану с пониманием легко качнула головой: да, это колоссально страшное чувство, когда понимаешь, что все твои труды пропали даром. Ей оно знакомо с тех времен, когда пришлось бросить Астароше, и сейчас, несколько минут назад, угрозы раману вновь напомнили его.

— Мои войска и так загружены золотом. Именно поэтому отец не только выдвинулся к столице сам, но и созвал всю нашу родню: чтобы в безопасности доставить трофеи домой. Тракт-то немалый. Поэтому мы сможем вывезти не так уж и много, — утешила Бану. — Но все, что сможем, — возьмем. А что не возьмем золотом — возьмем едой и лошадьми. Не на горбу же тащить ваши сундуки! — претенциозно заявила Бансабира. Молниеносно она наклонилась, сорвав с шеи государыни цепочку с ключом, повернулась и пошла к бюро.

— Что ты делаешь? — судорожно спросила Тахивран. Бансабира обернулась, не успев дотронуться до шкафа с бумагами.

— Вы согласны с моими условиями? — Раману кивнула. — Тогда... — Мать лагерей по-свойски открыла бюро и принялась в нем копать.

— Немедленно прекрати! — Тахивран подбежала к Бану, протянула к ней руки, пытаясь остановить, но Бансабира ловко выкрутила локти и кисти и с силой оттолкнула раману так, что та, отступив, не удержала равновесия и повалилась с ног. — Что ты творишь?! — завопила почти истошно.

— Вы что, думаете, я поверю на слово? Вам?! Мне нужны гарантии безопасности моих войск и моего сына. — С безразличным видом Бану вытащила наконец стопку каких-то бумаг и поглядела на дверь. — Сейчас у меня нет времени разбираться, что здесь что. Переберу на биваке. То, что меня не заинтересует, я пришлю вам обратно с гонцом. Лишний хлам мне даром не нужен.

Тахивран сидела на полу, растерянно глядя на северянку. Праматерь Земли и Неба, что *это* за напасть? Как где-то вообще могло родиться такое чудовище? Она что, не шутит, что ли, эта Бансабира Изящная? Бану уже открыла дверь, впустив «живой», «подвижный» воздух в комнату, которая, казалось, застыла от напряжения, как желе. Перешагнув порог, Бану замерла, глубоко вдохнула, смежив веки. Приятно понимать, что дела закончены. Тахивран позвала стражу, выбежав в коридор и толкнув при этом Бану из-за узости проема. Но стража лежала вдоль стен, не подавая признаков жизни. Зато охранников Бану было куда больше десяти человек. Увидев госпожу, рас-

севшиеся прежде на полу бойцы повскакивали с мест и, вытянувшись, ждали в готовности указаний.

— Ты... Что ты наделала?! — шипела раману, понимая, что здесь, в коридоре, нельзя выдавать себя. Во дворце полно тех, кто верен ее мужу, а не ей. Необходимость тщательно скрываться от рамана до того срослась с сущностью Тахивран, что не подводила ее даже на грани истерики.

— Да ничего страшного. Я же сказала, что, если вы примете мои условия, никто не умрет. Их просто оглушили. В ближайшее время, — Бансабира обошла Тахивран и посмотрела ей в глаза, — к вам съедутся представители всех танских семейств. Заявите о своих полномочиях и урегулируйте конфликт, который сами и начали. Используйте власть Теней, чтобы уговорить танов. Сейчас это сделать проще всего: воевать никто не хочет, да и не может уже, честно сказать. У всех закончились силы, так что в этой ситуации приказ прекратить распри со стороны будет для танов как бальзам на душу.

На лице Тахивран дрогнуло несколько мускулов. Кажется, до нее только сейчас начало доходить, почему Бансабира именно в дом Аамут проникла тайно и сделала все без лишнего шума. Она и впрямь была не заинтересована в том, чтобы всем рассказывать о причастности к Бойне Двенадцати Красок раману Тахивран, если ей хорошо заплатят.

— И еще проводите меня обратно в тронный зал: чтобы избежать атаки ваших солдат, мне пришлось оставить там шесть ножей.

— Я их уже собрал. — Опередив раману, вперед подался Серт и протянул шесть клинков, завернутых в какую-то ткань. Бану поняла, что это — не что иное, как обрывок плаща кого-то из охраны раману.

Бансабира, кивнув, приняла сверток, взглядом подозвала Ниима, вложила оружие в его руки, чтобы иметь возможность по одному проверить клинки и распределить их в привычные «тайнички». Серт тем временем приблизился к дрогнувшей Тахивран, дружественно приобнял за плечи и развернул лицом к двери.

— Вам не нужно знать, где именно тану Яввуз прячет свои ножи, — шепнул мужчина ей на ухо. — И хотя вы видели это прежде, полагаю, вы сможете сами без труда обо всем забыть, не так ли? — Тахивран, нервно косясь на воина, кивнула. — Вот и славно. Знаете, вы не очень хорошо выглядите, вам нужно отдохнуть. Боюсь, вы не сможете проводить нас до выхода,

поэтому, чтобы мы больше не смели тревожить ваш покой, Светлейшая, напишите письмо со своей печатью, чтобы нас беспрепятственно выпустили из дворца и столицы. Будем очень признательны.

Он лично проследил, чтобы текст, наскоро набросанный раману неровным от дрожания руки почерком, полностью удовлетворял пожеланию. Все заняло не больше пяти минут, и вскоре Бансабира смогла попрощаться, пожелав «Светлейшей государыне» всех благ.

— Да благословит вас Мать Сумерек! — до издевки торжественно простилась Бану, приложив ладонь к сердцу. — Надеюсь, наша следующая встреча не состоится никогда.

Она развернулась и пошла прочь, не опуская головы. И даже когда Мать лагерей уже вышла за ворота дворца, забрав у хмурого недовольного стражника дорожный меч с рукоятью о драгоценных камнях, раману Тахивран все еще стояла, не сдвинувшись с места. Держась за косяк одеревеневшими белыми пальцами, чувствуя, как трещит в голове, дрожит в коленях и горит в груди, и надеясь, что Бану Кошмарная умрет еще до того, как доберется до дома. Однако теперь у Тахивран не было ничего, чтобы помочь Провидению забрать жизнь оборванки из Храма Даг, и ей оставалось уповать на одну лишь Праматерь.

Согласно бумаге, выписанной раману, начальник городской стражи, который прежде разоружил Бансабиру на въезде во дворец, в сопровождении пятидесяти человек должен был лично проследовать за Матерью лагерей и сопроводить двух аханатов дома Аамут к их тетке.

Два отряда двигались в совершенном молчании. Когда достигли разбитого лагеря пурпурных, Бану отдала пленников. Многочисленные бойцы в готовности к атаке убеждали стражу поскорее убраться за стены города.

На том и разошлись.

Бану вскочила на коня и дала сигнал выдвигаться. Ее роль в междоусобице Яса исчерпана. Бойня Двенадцати Красок подошла к концу.

Не пройдет и месяца, как будет достигнуто мирное соглашение. Условия, которые нужны Пурпурному дому, Тахивран, как надеялась Бану, поняла отчетливо. Да и гарантия того, что Яввузов раманы оставят в покое и приведут к согласию остальных танов, у Бансабиры тоже имелась. Светлейшая полу-

чила хороший урок в этой встрече, как и сама Мать лагерей: у Тахивран стоило поучиться пользоваться желаниями людей. Бану, конечно, давно это делала, но никогда — настолько нагло.

Однако сейчас не то время и не то настроение, чтобы думать об уроках судьбы.

В сердце молодой женщины великолепным хвостом огненной птицы распустились воодушевление, предвкушение, восторг и облегчение. Все, все прошедшее за минувший срок показалось Бансабире маловажным. Ничто не имело больше ценности, кроме осознания того, что совсем скоро она наконец-то вернется домой, приведет в родные земли тысячи северян, увидит отца и брата и вместе с ними поднимется в высокий фамильный чертог древнего рода Яввуз.

Русса проведет их к танским креслам, которые еще двести лет назад законно именовались тронем. Остановится у подножия лестницы и вместе со всеми восславит тана и тану Пурпурного дома, которые впервые за много лет плечом к плечу воссядут в великой зале героев. И ее сын, мальчик, которому, рискуя всем, она дала жизнь посреди войны, увидит и обретет в ней мать, а в Сабире — деда. Она сложит меч, спрячет ножи и забудет прошлое, как страшный сон.

А когда минет год траура по Неру, Бану спросит отца о Маатхасе.

У Яввуза больше не будет причин отказать, если Сагромах не женится до того времени. Значит, когда северяне — Бану не сомневалась — будут совместно праздновать выход из военных действий и в некотором смысле победу, надо поговорить с Маатхасом. Бансабира не могла определить, что за чувства испытывала к тану Лазурного дома, но в нем она видела ту уверенность, какой никогда не находила в себе. Этого было достаточно.

Раману Тахивран пришла в себя довольно скоро. Она не корила себя ни за что — раману поступила именно так, как велел ей долг крови: спасла жизнь своих родственников, тех, кому предстояло стать будущим дома Аамут. В конце концов, Тахив «добыл» для нее трон Яса, вложил в руки такую непомерную власть, когда ей было всего двенадцать лет, а раз так, ни он, никто иной из ее семьи не должны знать никаких бед. Тахивран просто не могла поступить иначе.

Ситуацию с документами, которые Бансабира вытащила из ее тайника, раману тоже оценила трезво. Маленькая танша вновь сделала глупость: теперь, если у кого-то из собирающихся в столице танов имеются хоть какие-то подозрения на ее счет, даже переверни они дворец вверх дном — ни одного доказательства причастности раману или Аамутов к Бойне Двенадцати Красок нет. Если кто-то из защитников попытается угрожать, объясняя это тем, что раманы не вмешались вовремя, она ответит то же, что все эти годы твердил ее муж: дело жреца — молитва об успокоении диких собак, но явно не участие в их драке. Она, раману, как Тень Праматери, как единственная женщина страны, лично благословленная Верховной жрицей Ангората, делала максимум того, что могла, — молилась денно и ночью, до сухости губ и боли в суставах.

Хотя следовало дожидаться тех, кто был занят в гавани столицы, хотя Улу требовалось время, чтобы отрядить приобретенные корабли вкруговую держать путь до северных земель и самому воссоединиться с войском госпожи, Бансабира велела двигаться быстро и добраться к лагерю отца до темноты. Ул не маленький, сам прекрасно найдет дорогу, к тому же по округе расставлено несколько союзных отрядов, которые, собравшись в один, сами достигнут бивака Яввуза-старшего. Чем сильнее он приближался, тем быстрее Маленькая танша гнала коня, отрываясь от остальных.

Узнать шатер Сабира Свирепого не составляло труда: черная волчья голова в профиль с рубиновым глазом на пурпурном полотнище, развевающимся высоко над землей, бесспорно выдавала укрытие тана.

— Тану! — не то приветствуя, не то как-то беспокоясь, обратился один из «меднотелых», перехватывая уздцы коня Бану и явно пытаясь как-то задержать госпожу. Ее прибытие вносило суматоху.

— Потом. — Бану, не глядя, махнула рукой. Все, что она видела, слышала и знала, — шатер отца. Широким движением отдернула полог, впуская внутрь яркое утреннее солнце. — Оте...

Бансабира застыла. Полог шатра опустился, и заискрившийся прежде панцирь мужчины угас. Впереди, спиной к ней, стоял Гистасп.

— Что ты здесь делаешь? — спросила строго, твердо обхватив пальцами рукоять меча. Гистасп молчал. Он не шевельнул-

ся, даже когда услышал знакомый присвист клинка, покидающего ножны.

Взгляд Бану — напряженный, грозный, из-под насупленных бровей — приклеился к спине подчиненного. Версии, каждая следующая страшнее предыдущей, сковывали волю, теснили горло, пережимали запястье, держащее меч, делая Бану уязвимой.

«А я все думал, как посмотрю ей в глаза», — мрачно подумал Гистасп, внутренне сжался и со страхом повернулся.

Бану вгляделась в его глаза, почти не имеющие цвета, но преисполненные сожаления и как будто раскаяния, глубоко вздохнула и опустила меч.

Гистасп склонил голову. Перед ним на застеленной земле, ногами к выходу, лежал тан Сабир. Еще в крови, еще в доспехе, но уже без капли жизненных сил. Прошло несколько тяжелых, молчаливых минут. Бану смотрела на склоненный светлеющий затылок и неслышно задыхалась. Это что же? Это теперь она что, не войдет с отцом в танскую залу чертога? Не сядет в соседнее с ним кресло? Это теперь все зря, что ли?

Бансабира тоже опустила взгляд, разжала пальцы. Меч упал на войлок с тихим глухим звуком — тем же, с каким сердце Маленькой танши сорвалось в пропасть. Шатаясь, она сделала шаг. Гистасп, наблюдая за таншей, предусмотрительно отступил, пропуская к отцу. Ее нетвердая и вместе с тем тяжелая походка, не имевшая ничего общего с привычной пружинной легкостью, заставила Гистаспа обратиться к Матери лагерей, протянув руку. Бану нервно мотнула головой в ответ, не осознавая, что кусает поддрагивающие губы. Рухнула на колени рядом с телом, откинула плед, которым Гистасп накрыл вождя, начала методично снимать доспех и поддоспешник. Одной было не управиться, не поднять тяжелого рослого северянина — попросила Гистаспа помочь.

Тот с трудом понимал, что происходит. Бансабира имела растерянный, испуганный и до ломоты в сердце несчастный вид. Пытаться заговорить с ней сейчас было чревато, Гистасп радовался уже хотя бы тому, что танша не обвиняет в случившемся его. Хотя это, скорее всего, временно. До нее, видно, не до конца доходило случившееся.

Когда Сабир остался в одних штанах и рубашке, Бансабира закатала последнюю до самых плеч. Не меняясь в лице, которое выглядело постаревшим на десять лет, вздохнула, прижала к губам тыльную сторону ладони. Сломана половина ребер, на

раздувшемся животе страшные гематомы, наверняка еще и внутренние, наплывшие до опухолей. Бансабира дрожащими пальцами коснулась травм отца, опустила руку ниже, к ранению на бедре. Размазанная кровь все еще была чуть теплой. Женщина положила руку отцу на лоб, убрала спутавшуюся прядку волос, оставляя красный след.

— Не таким должен был быть твой конец, — шепнула Бану.

— Мы загоняли вепря, — осмелился наконец Гистасп. — Вождь завел копые для броска, но не удержал поводьев из-за болей в плече. Тан выпал из седла и попал под копыта. Вепрь был уже ранен и безумен, кинулся назад и вспорол вашему отцу бедренную артерию, прежде чем мне удалось добить животное.

Бансабира никак не реагировала на рассказ подчиненного, но Гистасп видел, что меньше всего ей сейчас хочется слушать командующего.

— Всю дорогу, — расхрабрился напоследок альбинос, неотрывно наблюдая за госпожой, — откуда тан дышал, он произносил ваше имя. И велел мне беречь вас, тану.

Бансабира игнорировала то, что там говорил Гистасп. Она наконец упала на размягшую от переломанных костей грудь отца и тихонько, безудержно заплакала. Да за что ей все это? Хотелось растормошить отца, надавать по щекам, сказав, что все это ничуть не смешно и он должен немедленно встать и заняться делами! Хотелось убить Гистаспа, который не уследил за господином, из-за которого Сабир Свирепый погиб по вине коня, свиньи и неизвестно кого еще, пусть и знала Бану, что отца давно уже подводило плечо! Бану хотелось проклясть весь мир, вернуться в Гавань Теней, убить Тахивран, найти Гора и пойти на самую гнусную сделку с ним, лишь бы вернуть все на свои места!

Но сил не хватало, чтобы просто поднять голову.

Гистасп молча вышел и шепотом сообщил приближенным, что тан скончался. Голосить об этом не стоило — Бансабира и так едва держится, чтобы не завывать.

Подоспели последние из уезжавших на охоту — Русса с напарником. О награде, которая досталась кому-то из тех, кто приехал гораздо раньше, никто и не вспоминал. Отстающие бойцы из воинства Бану тоже постепенно присоединялись к ставке.

Утерев слезы, танша вышла почти следом, дыша тяжело и медленно.

— Пусть лекари займутся его телом, — приказала госпожа не громко и не тихо. Главное — достаточно твердо.

Приложив правый кулак к сердцу, Гистасп опустил на колено первым:

— Тан Сабир Свирепый Яввуз, защитник Пурпурного дома, воссоединился с предками в залах Нанданы! Да благословит Праматерь тану Бансабиру Яввуз, защитницу Пурпурного дома и Мать лагерей! Да вознесет Иллана твою славу на солнечной колеснице, высокая госпожа! — произнес Гистасп первые слова клятвы. К нему присоединились те, кто стоял неподалеку и все слышал.

— Мы клянемся следовать за тобой, охранять тебя, держаться тебя и почитать, равно как всех твоих предков! — Один за другим воины, лекари, каптенармусы опускались на колени, подхватывая слова обета. — Меч в твоей руке остр, и это — мы! Щит в твоей руке прочен — и это мы! Вера в наших сердцах крепка — и это ты! Преданность в наших делах сильна — и это ты! Мы возлагаем священный долг защиты края на твои плечи! Мы отдаем свою жизнь для защиты края — в твои руки! Пусть!

— Пусть!

Весь лагерь замер, коленопреклоненный. Только спешившийся Русса недвижно стоял напротив и глядел прямо на сестру.

— Пусть, — отозвалась Бансабира на клятву орды. Подошла к брату вплотную, выпачканными в крови отца пальцами мазнула по щеке и не глядя пошла вперед. Русса обернулся вслед сестре, сделал несколько шагов, поймал за руку и заставил посмотреть на себя. В глазах — и черных, и зеленых — стояли слезы. Русса задрожал в плечах, Бану поняла, что брат не сдержится. Она притянула его голову, наклоня мужчину, прижала к груди.

Каменными пальцами Русса вцепился в плечи сестры, хватаясь так, будто пытался удержаться за нее, как за стену, чтобы не упасть. Бансабира гладила черные грязные волосы надломленного, почти опустившегося на землю брата. Когда-то, когда она была маленькой, она вот так же цеплялась за Руссу в своих мыслях, и это придавало ей сил. Теперь ее черед.

С тоской, любовью и немислимой болью, которую могли разделить только эти двое, Бану прижала голову согбенного

крепче, затем отстранила, посмотрела в глаза, провела пальцем по щеке, оставляя еще один, едва заметный красноватый след. Отвела глаза и пошла вдаль от лагеря. Больше невыносимо находиться среди людей.

— Поставьте мне шатер рядом с отцовским и займитесь подготовкой тела. Тана Сабира надо доставить на север, — приказала не оборачиваясь.

За спиной танши Русса ударил себя в грудь и упал на колени вместе с остальными:

— Я присягаю тебе, сестра! Я клянусь тебе в верности!

Бану сделала непонятный жест рукой, не чувствуя ног, которые переставляла безотчетно. Когда она удалилась на несколько шагов, лагерь поднялся с колен.

Создалось впечатление, что с отдаления тану на биваке занялась суматоха. Только Гистасп стоял недвижно, неотрывно глядя вослед юной госпоже. Там, в шатре, у трупа Сабира, он так и не нашел слов утешения и поддержки, вполне искренне переживая как смерть Свирепого, так и горе Матери лагерей. Он даже не посмел дотронуться до вздрагивающего плеча. Ничего не сделал. Вышел и провозгласил весть, заставив таншу тем самым как можно быстрее взять себя в руки и выйти к людям. Взвалил на ее плечи ношу еще больше той, что тану и так приходилось тащить изо дня в день.

Несмотря на то что Бансабира была полноправной тану Пурпурного дома, прежде Гистасп мог позволить себе маленькие вольности в общении — танша располагала сама, да и всегда оставалась мысль, что есть нечто большее, чем она, есть тан Сабир. Но теперь выше ее в Пурпурном танааре нет никого. Бансабира Изящная стала главой самого крупного надела в стране, даже после войны самого большого воинства, и, как ни крути, мысленно ухмыляясь, признавал Гистасп — самой лучшей разведки.

Бансабуре придется провести реорганизацию всех войск, во многом разобраться, освоить управление. Он бы хотел помочь ей, но не имел права претендовать на роль наставника или помощника в подобных делах. Гистасп не принадлежал прямой танской ветви и понимал, что его шансы удержать прежние позиции не так уж и велики, когда солдат у тану больше не пять тысяч, а сорок. Да и то, что Сабир погиб на охоте, когда рядом был только он, Гистасп, явно бросало тень на его имя.

Мужчина едва слышно вздохнул. Жаль, ему так и не удалось добиться безоговорочного доверия танши. Оставалось надеяться, что она не забудет его участия в походе, — он редко знал людей такой крайней честности в общении. Личное и деловое Бану не путала никогда и никогда не смешивала: на войне нельзя быть честным, говорила танша каждым поступком, но в отношениях нельзя лгать. И он тоже не солжет, не обманет. Ведь, честности ради, время, проведенное рядом с Матерью лагерей, было по-настоящему интересным.

Он мог бы пойти за ней сейчас, уверенный, что тану не прогонит. Хотя, конечно, наверняка не скажешь — ее решения удавалось предугадывать далеко не всегда. Но Гистасп не пойдет, не станет усложнять все еще больше. Бансабира не верит ему до конца, возможно, потому, что он никогда не понимал, когда надо провозжать глазами, а когда идти рядом.

У Бансабиры не было счастливого детства, цветущей юности, не будет и беззаботной молодости, осознал мужчина. Она не знала толком любви матери, заботы отца, насмешек старшего брата; не влюблялась и, скорее всего, не заводила друзей. Она жила одной целью, навязчивой и безумной, одержимая долгом и отчаянием. На нее было больно смотреть.

Просто тану никогда не смешивала деловое и личное. Не знала, что в бурной реке жизни, как и в огненной реке войны, можно не только твердо стоять на двух своих, как бы силен ни был поток, но и плыть по течению — ведь как ни сопротивляйся, оно несет тебя вперед.

За четверть часа она добралась до обрыва плато. Пока ей устанавливают шатер, можно посидеть вдалеке ото всех. Когда лекари закончат омыwać тело Сабира, Лигдам придет за ней. Все ведь видели, куда танша ушла.

Опустилась на прохладную землю, обхватила руками лоб: подобных чувств она не испытывала с того дня, когда Гор сломал Астароше колено. Но даже тогда ей не было так страшно.

Далеко на горизонте тлеющим углем мерцал осколок закатного солнца, заливая небо желтоватыми, лиловыми и свинцовыми пятнами. В Ясе в очередной раз воцарялся переходный час Матери Сумерек.

Рано утром Бансабира велела Лигдаму и телохранителям собрать в ее шатре всех тысячников и десятитысячников. Вся армия Пурпурного дома собралась наконец в одном месте.

Мужчины, входя, кланялись с серьезными, сосредоточенными лицами. Наскоро рассаживались в шатре, не сводя глаз с молодой и теперь единственной госпожи.

— Доброго всем утра, — поприветствовала танша сухо. — Вашу клятву я приняла вчера, а для прочих формальностей сейчас не время и не место. Что бы ни случилось в Гавани Теней, как бы дальше ни развивались события, мы выходим из Бойни Двенадцати Красок бесповоротно.

Она наследует не только надел, сообразили командиры, вслушиваясь в каждый звук. Она наследует желания Сабира, его цели, волю, будто его самого. Он, защитник Пурпурного дома, дал слово покинуть поле брани после разгрома Зеленого танаара и разграбления дворца. Теперь она, как защитник Пурпурного дома, держит это слово, как если бы оно было сказано ею самой.

— Мы достигли отношения ненападения с двумя домами, взыскали контрибуцию с еще двух, забрали у раману Тахивран главное оружие, которым она вела войну, взяли пленных. Дележ подождет до возвращения на родину. Русса, Гистасп и Отан поедут со мной вперед с телом отца, его надо как можно скорее доставить в семейный склеп. Остальные выйдут следом. Ответственным за отход будут Гобрий и Махран. — Бансабира перевела глаза на последнего. Махран, единственный сын погибшего Доно-Ранбира, ее кузен и один из командиров разведки отца, сухощавый и неприметный, напоминал ей чем-то Рамира. — Кто-то из родственников Сабира Свирепого должен быть с такой ордой при отходе. Из нас троих ты подходишь лучше других, надеюсь, твой отряд обеспечит безопасность при переходе, — ровно закончила женщина.

Упомянутый Отан — седовласый, но с большими залысынами, смуглый, одних лет с Гобрием — с недоверием посмотрел на таншу от природы круглыми глазами лазурного оттенка.

— Я прошу прощения, госпожа. Я-то вам родня сторонняя, а каким образом среди родичей тана Сабира, сопровождающих вас, оказался Гистасп? — недобро глянул Отан на командира второго подразделения, если Гистасп еще мог так называться.

— Гистасп оказался в числе сопровождающих меня и отца командиров по той же причине, что и ты, — надменно отозвалась тану. — Он мой генерал, только, в отличие от тебя, в нем я уверена больше. Вот почему с Гобрием за отход отвечаешь не ты, а менее опытный Махран.

Что она делает, ужаснулись Гистасп, Гобрий, Видарна.

— Ты приходишься дядей моему брату, и тебя не было в моей армии в военное время, чтобы мои права на танское кресло были для тебя неоспоримы. По дороге домой хорошенько обдумай, на чьей ты стороне, Отан. Нож промеж лопаток, когда Адар достигнет юности, мне даром не нужен. Малейший намек на мятеж или заговор... — Бану отвела глаза, не став продолжать мысль.

С улицы донесся извиняющийся голос Дана Смелого. Получив разрешение войти, он сообщил, что часть армии, которой приказано сопровождать таншу до чертога, полностью выстроена в боевые порядки. Прочие сотники и полководцы безразмерного воинства заканчивают построение. Пленники также готовы к транспортировке в дом тану Яввуз.

— Хорошо, — бесстрастно кивнула Бану, теряя к докладу замкомандира всякий интерес. Дан уходит не торопился.

— Когда прикажете сняться с места? — спросил с готовностью. Бансабира метнула обязывающий взгляд:

— Боишься, что не услышишь сигнала?

Дан сконфуженно замялся, танша сделала движение головой, веля выйти.

— Ул, определи к нам пару хороших каптенармусов в дорогу. И иди, лично проверь вооружение сотни Серга. Они должны быть готовы к схватке в лучшем виде.

Ул без лишних слов встал, поклонился, вышел.

— Видарна, напиши приглашения танам Каамал и Маатхас на сорокоднев по отцу. И напиши сообщение Идену Ниитасу. Никаких причитаний по поводу Сабира Свирепого, только то, что главой Пурпурного дома отныне являюсь я. Этого достаточно. Отошли гонцов предельно быстро. В отходе не задерживаться и не спорить ни по каким вопросам с временным командованием.

— Мм, — опешил Видарна. Он бросил короткий взгляд на Отана и нашел в нем поддержку. — Я прошу прощения, но не кажется ли вам, что разумнее...

Видарна замолчал: Бансабира, чуть подняв брови, перевела на него взгляд, имея до того недоуменное лицо, будто вообще только сейчас обнаружила среди собравшихся этого Видарну и теперь отчаянно интересовалась, кто его сюда позвал. Тот, впрочем, окончательно растерялся и тоже, кажется, забыл, за чем явился в шатер.

Проследив этот взгляд, Гистасп отвел глаза: не хихикнуть бы прилюдно.